

НК-СК-1 ф-1 кп-д-

801-14
2702

С 50
59 9

ТУРКЕСТАНСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ВЪ ПОЛЬЗУ ПРОКАЖЕННЫХЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

на средства Туркестанскаго Окружнаго Управленія Россійскаго Общества
Краснаго Креста.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Бенке, Новый переулочъ 2.

1900.

Посвящается М. М. П.

Быстро челнъ въ волнахъ несется;
Въ немъ сидитъ рыбакъ лихой.
Онъ надъ бурей смѣется;
Смѣло правитъ онъ ладьей.

«Мчись же, мчися моя лодка,
«Звучно, громко онъ запѣлъ,
«Вишь, ненастная погода,
«Чтобъ я во время поспѣлъ!»

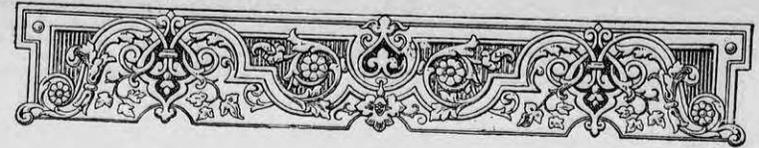
«Мчись же, мчися моя лодка, —
«Видишь ночь уже кругомъ.
«Ждетъ меня моя красotka
«Тамъ на берегѣ крутомъ!»

Вѣтеръ крѣпнеть! Валъ за валомъ
Утлый челнъ качаетъ, бьетъ.
Силы нѣтъ въ рулѣ усталомъ,
Буря парусъ ветхій рветъ.

Смолкла пѣсня; страха полный
Съ бурей борется пловецъ....
Мстятъ за дерзкій вызовъ волны,
Видно молодцу конецъ!

Буря злится!... Гибнетъ лодка....
Ночь ненастная кругомъ!....
Долго будетъ ждатель красotka
Тамъ на берегѣ крутомъ!

И. Подыженекій.

Разсказы о взятіи Самарканда.

(Со словъ участниковъ дѣла).

I.

Разсказъ Садыка-Шерифа-Малика ¹⁾,
уроженца г. Самарканда, нынѣ торговца галантерейными товарами.

Мнѣ было двадцать лѣтъ, когда русскіе брали Самаркандъ, началъ Садыкъ-Шерифъ. Послѣ взятія ими Ташкента, мы, самаркандцы, были встревожены опасеніемъ, что они явятся и къ намъ, а потому стали думать объ оборонѣ, но управлявшій тогда Самаркандомъ бекъ-Ширъ-Али-Инакъ не рѣшился принимать какихъ нибудь мѣръ безъ разрѣшенія нынѣ покойнаго эмира Бухарскаго, Музафара. Эмиръ увѣрялъ, что русскіе не пойдутъ далѣе Ташкента, такъ какъ онъ ведетъ мирные переговоры съ генераломъ фонъ-Кауфманомъ и уже отправилъ пословъ для окончательнаго выясненія условій договора. Эмиръ жилъ въ Кермине и сношенія бека съ эмиромъ затягивало время, а мы были нетерпѣливы. Эмиръ объявилъ, что нужно ждать возвращенія пословъ, самаркандскіе же муллы вzywали къ оборонѣ. Кромѣ того мы слышали, что битвы между бухарцами и русскими были и по дорогѣ къ намъ. Бекъ уклонялся отъ прямого отвѣта, а муллы узнали о движеніи русскихъ войскъ и сообщили намъ, что ими взяты Джизакъ, Яны-Курганъ и Каменный мостъ.

Самаркандцы по собственному почину рѣшили защищать свой городъ. Въ медресе Гилла-Кари былъ созванъ совѣтъ, на который собралось нѣсколько тысячъ челоvѣкъ. Бекъ не явился, а прислалъ двухъ старшинъ: Шейхъ-уль-Ислама и Мумемъ-бекъ-Тухсаби. Присутство-

¹⁾ Маликъ по объясненію почтеннаго Садыка-Шерифа означаетъ потомка Александра Македонскаго и таковымъ мнитъ себя авторъ разсказа.

вали на совѣтъ всѣ муллы и ихъ ученики, муфтии и представители общества, выборные изъ каждаго участка и патриоты, интересующіеся вопросомъ. Я былъ также на засѣданіи. Это было часовъ въ десять утра за недѣлю до прихода русскихъ. Въ тотъ день базаръ былъ закрытъ и торговли не было. Засѣданіе было бурное. Старшины, назначенные бекомъ, отстаивали мнѣніе его, т. е. ничего не предпринимать до возвращенія пословъ или до полученія новаго предписанія эмира. Муллы, муфтии и общество не соглашались съ ними и требовали немедленнаго приготовленія къ оборонѣ. Бекъ, оставаясь въ своемъ дворцѣ въ крѣпости, поставилъ конныхъ джигитовъ на всемъ протяженіи отъ дворца до мѣста засѣданія и они доставляли ему самыя подробныя свѣдѣнія, — чуть не каждое слово, сказанное на совѣтѣ, было извѣстно беку. Онъ поддерживалъ старшинъ. Раздраженіе общества дошло до высшей степени: оба старшины были убиты. Тогда въ медресе прислана была мѣстная команда изъ крѣпости для усмиренія буйныхъ. Близъ стоявшіе люди въ раздраженіи кинулись на сарбасовъ, нѣкоторыхъ ранили и убили одного. Отъ бека пришло приказаніе сарбасамъ стрѣлять въ общество, безъ разбора во всякаго кто попадется на глаза, особенно истреблять муллъ и вещи принадлежащія послѣднимъ барантовать. Произошла свалка въ медресе и на площади Ригистанъ. Тридцать человѣкъ муллъ было убито и сорокъ ранено, считая съ учениками. Изъ солдатъ десять было убито и около пятидесяти ранено. Свалка продолжалась часа два. Изъ медресе изъ помѣщенной учителей и учениковъ всѣ вещи были разграблены. Общество и тѣ муллы, которымъ удалось спастись, разбѣжались по домамъ. Въ 6 часовъ вечера бекъ вызвалъ въ крѣпость старшинъ всѣхъ участковъ и убѣждалъ ихъ повліять на жителей, настоять на томъ, чтобы они не ссорились съ эмиромъ; онъ угощалъ ихъ и отпустилъ съ подарками. Но это не привело ни къ чему, въ смыслѣ успокоенія умовъ.

Въ Самаркандѣ, въ то время стояло до двѣнадцати тысячъ бухарскаго войска сарбасовъ и сипаевъ. Обыкновенная стоянка ихъ была на Дагбитской дорогѣ въ селеніи Пойка-бакъ, а въ лагерное время въ Афросіадѣ. Военные же совѣты происходили въ крѣпости Кукъ-Ташъ въ Самаркандѣ. Командующій войсками былъ бухарецъ Тохтамышъ инакъ, а начальникъ артиллеріи Салимъ достарханча. Въ число 12.000 бухарскаго войска входили туркмены и два полка текинцевъ: одинъ изъ Корковъ подъ командою Кара-Шайтанъ, другой изъ Чарджуя подъ командою Сафаракъ. Послѣдніе два пришли на случай войны съ русскими.

А между тѣмъ русскіе всё двигались къ Самарканду и уже занимали Джамбай ¹⁾.

¹⁾ Послѣдняя стоянка передъ Самаркандомъ.

Бекъ, командующій войсками, муллы и старшины составили совѣтъ и на этотъ разъ единогласно порѣшили выслать войско и народное ополченіе на Чупанаты ¹⁾. Мы, самаркандцы, собирались группами, вооружались кто чѣмъ могъ и бѣжали на высоты. У меня были револьверъ и сабля и съ товарищами я вбѣжалъ на вершину горы, откуда видны были всѣ окрестности. Наши войска занимали гору и Канегиль, мѣсто за горой. Два баталіона стояли около Тамерлановскихъ арокъ (недостроенный мостъ) пути Шадманъ-Маликъ. Мы полагали, что переберемъ русскихъ, когда они будутъ переправляться черезъ Зеравшанъ или, по крайней мѣрѣ, нагонимъ на нихъ страхъ и заставимъ отказаться отъ мысли овладѣть Самаркандомъ. Я видѣлъ, какъ подѣхали къ рѣкѣ казаки, а за ними подошло нѣсколько тысячъ солдатъ. Рѣка была глубока. Русскіе остановились. Послы бухарскіе вернулись, взобрались на Чупанаты и сказали, что русскіе будутъ брать Самаркандъ. Это было днемъ 1-го Мая 1868 года. Русскіе стали переправляться черезъ Зеравшанъ, а наши начали стрѣлять изъ пушекъ, ружей и револьверовъ, и я стрѣлялъ. Мнѣ не было страшно, потому что я былъ въ первомъ сраженіи и послѣдствій не предвидѣлъ, да и стояли мы далеко отъ враговъ. Въ то время, какъ русскіе шли въ бродъ и съ Чупанаты въ нихъ стрѣляли, два баталіона бухарцевъ подъ командою Усмана стали обходить горы, чтобы зайти русскимъ съ тылу. Но казаки замѣтили это и остановили ихъ, битва между ними длилась съ часъ времени и бухарцы вернулись на свои мѣста. Наши выстрѣлы не остановили переправы русскихъ, хотя нѣсколько человѣкъ были убиты. Они перешли Зеравшанъ, построились, дали одинъ или два залпа и тотчасъ же стали приступомъ брать Чупанаты. У насъ тоже оказались убитые. Наши бѣжали. Первыми бѣжали туркмены, потомъ бухарскія войска, а за ними и самаркандцы. Я видѣлъ, что всѣ бѣгутъ, побѣжалъ и я по Самаркандской дорогѣ, домой. Сарбасы и сипаи дорогою бросали свои мундиры и ружья изъ боязни, чтобы горожане и жители кишлаковъ, узнавъ въ нихъ солдатъ, не перебили бы ихъ за трусость. Войска, предводители и самаркандскій бекъ бѣжали въ Бухару. Городъ остался безъ войска. Чупанаты заняли русскіе.

Я пришелъ домой, но никого не нашель, оказалось, что всѣ женщины и дѣти ушли изъ города въ сады Мухалинской волости на разстояніи отъ 3—8 верстъ отъ Самарканда. Всѣ мы пошли искать своихъ и съ родными ночевали за городомъ. Нѣкоторые старшины участковъ и кое-кто изъ жителей остались въ городѣ для совѣщанія о томъ, какъ встрѣтить русскихъ. На этомъ совѣщаніи рѣшили выбрать изъ

¹⁾ Чупанаты — песчаные холмы верстахъ въ семи отъ Самарканда, командующіе рѣкою Зеравшанъ и переправою черезъ неѣ.

среды себя представителей, которые должны были отправиться на Чупанаты съ изъявленіемъ покорности и съ хлѣбомъ — солью.

Я все это узналъ, когда рано утромъ пришелъ въ городъ. Какъ ушли выборные я не видалъ, но зато ясно помню ихъ возвращеніе съ новыми хозяевами. Наши представители ѣхали впереди, какъ-бы указывая дорогу, а за ними генераль Кауфманъ и войско. Нѣкоторые, завидя русскихъ кланялись, другіе убѣжали. Я слышалъ, какъ переводчикъ генерала Кауфмана говорилъ, что русскіе намъ зла не желаютъ, чтобы мы успокоились, чтобы бѣглецы и ихъ семьи возвратились въ свои дома и вообще, чтобы самаркандцы принялись за свои прежнія занятія и торговлю. Генераль и войска прослѣдовали въ крѣпость. Въ тотъ день вечеромъ и всю ночь шелъ дождь.

Согласно выраженному генераломъ Кауфманомъ желанію и приказанію, жители вернулись въ Самаркандъ, торговля открылась и всѣ зажили своею обычною жизнью.

Повидимому взятіе Самарканда совершилось почти безъ кровопролитія или лучше сказать мирнымъ путемъ, но послѣдовавшія, вскорѣ послѣ этого факта, событія показываютъ, что мирное занятіе этого города произошло какъ бы случайно. Садыкъ-Шерифъ-Маликъ продолжаетъ свой разсказъ:

Вскорѣ послѣ вступленія русскихъ въ Самаркандъ, Китабскій правитель Джурабекъ появился съ войскомъ на горѣ Кара-Гюбе. Узнавъ объ этомъ, часть русскаго войска вышла ему на встрѣчу. Жители Мухалинской волости сломали мостъ черезъ рѣку Даргомъ, чтобы воспрепятствовать русскимъ дальнѣйшее движеніе, но это ихъ не остановило. Они перешли Даргомъ и встрѣтились съ неприятелемъ. Джурабекъ бѣжалъ, войско его разсѣялось. На обратномъ пути русскихъ, Мухалинцы изъ засадъ стрѣляли въ нихъ, убили переводчика, нѣсколько солдатъ и ранили двухъ-трехъ офицеровъ. Русскіе бросились въ сады и сакли строптивыхъ мухалинцевъ и уничтожили ихъ до 300 человекъ, включая женщинъ и дѣтей.

Кромѣ того русскіе ходили для усмиренія жителей Ургута. Но это все бунтовали волости, которыя покорность Самарканда не считали для себя обязательною.

Русскіе и не подозрѣвали, что въ самомъ Самаркандѣ готовилось мщеніе за мирное занятіе города.

Черезъ мѣсяцъ послѣ занятія Самарканда, генераль Кауфманъ вызвалъ участковыхъ изъ города и объявилъ имъ, что дѣла призываютъ его въ Катта-Курганъ и что онъ требуетъ, чтобы они жили тихо и мирно; если же бы они узнали о появленіи какой-нибудь шайки, то немедленно бы предупредили начальника крѣпости барона Штемпеля, который и прогонитъ шайку. Генераль Кауфманъ

взялъ слово съ участковыхъ, что люди управляемыхъ ими участковъ не будутъ соединяться съ шайками, иначе они, участковые, первые отвѣтятъ своими головами. Генераль уѣхалъ, взявъ съ собою войско, а въ Самаркандѣ въ крѣпости оставилъ одинъ баталіонъ и больныхъ и слабыхъ солдатъ.

Въ Дагбитѣ ¹⁾ жилъ ишанъ Омаръ-Ходжа, потомокъ святого Мартумъ-Азамъ. Ему было тогда лѣтъ пятьдесятъ. Омаръ-Ходжа, какъ бѣлая кость и потомокъ святого имѣлъ большое влияніе не только въ Самаркандѣ, но и вообще въ Зеравшанской области. По занятіи русскими города, онъ имѣлъ постоянныя тайныя сношенія съ беками и у себя въ домѣ устраивалъ совѣты. Отъѣздъ Кауфмана былъ признанъ удобнымъ моментомъ для нападенія на русскихъ и освобожденія отъ нихъ Самарканда. Тотчасъ же послѣ отъѣзда генерала, посредствомъ сношенія черезъ секретныхъ джигитовъ, было установлено, что въ извѣстный день и часъ Джурабекъ съ китабскими войсками, Бабабекъ съ шахрисябскими сипаями и Чиликскій бекъ Омаръ-бекъ съ нѣсколькими тысячами придутъ по Каратюбинской дорогѣ къ Самарканду. Омаръ-Ходжа къ этому времени обязался поднять самаркандцевъ и принять начальство какъ надъ ними, такъ и надъ каракалпаками и китайкипчаками, которые придутъ черезъ Дерхонъ и Дагбитъ изъ волостей Полванъ-арыкъ, Офаринкентъ и Сугутъ-Полянъ. Въ назначенный день войска собрались. Русскіе ничего не знали объ этомъ. Когда Джурабекъ подступилъ уже къ воротамъ Ходжа-Ахраръ, тогда только старшины предупредили барона Штемпеля. Русскіе вышли на встрѣчу. Въ это время Омаръ-Ходжа, раздѣливъ свое войско на двѣ части, повелъ одну изъ воротъ Пой-Кабакъ, другая часть появилась въ воротахъ Хозретъ Шахъ-Зинда. Русскіе, увидя массы враговъ, напирających съ трехъ сторонъ, испугались своей малочисленности и бросились назадъ въ крѣпость.

За день до прихода войскъ самаркандцы заперли лавки, спрятали товаръ въ ямы, а семьи съ домашнимъ имуществомъ и вещами отправили въ сады въ разныя стороны. Переправлять все старались ночью, но было движеніе и днемъ. Все мужское населеніе встало въ войско Омара-Ходжа, который раздалъ оружіе изъ имѣвшагося у него склада. Тѣмъ, которымъ не достало ружей, были розданы палки съ тяжелыми металлическими наконечниками. Передъ этимъ у насъ въ Самаркандѣ также происходили секретныя совѣщанія по участкамъ, ночью.

Я спряталъ имущество и простившись съ матерью и сестрами остался въ городѣ и всталъ на крышу медресе Ширъ-Доръ. Я видѣлъ какъ вступили наши войска и какъ русскіе бѣжали въ крѣпость

¹⁾ Дагбитъ селеніе верстахъ въ двадцати отъ Самарканда.

Джурабекъ и Бабабекъ поставили свое войско на участкѣ Рахабадъ, а сами проникли въ медресе Рахабадъ и оттуда командовали. Омаръ-Ходжа помѣстилъ своихъ на участкѣ Богимейданъ, гдѣ теперь кожевенный заводъ и мельница, самъ же вошелъ въ медресе Юсупъ-бай. Передъ моими глазами происходило движеніе войска по открытой мѣстности. Его было до сорока тысячъ. Я видѣлъ какъ мусульмане съ криками бросились къ крѣпости и отпрянули назадъ, но изъ среды своей выдѣлили храбрецовъ, которые заняли сакли, прислоненныя къ крѣпостной стѣнѣ. Въ обыкновенное время въ этихъ сакляхъ производилась мелочная торговля, но въ настоящее время онѣ были пусты. Мусульмане сдѣлали второй натискъ къ крѣпости и стрѣляли, а въ это время люди, забравшіеся въ сакли, пробивали крѣпостную стѣну. Изъ крѣпости черезъ стѣну стрѣляли русскіе. Наши продолжали появляться подъ стѣнами, стрѣлять и удаляться. Одинъ разъ нѣсколько десятковъ нашихъ проникли въ крѣпость со стороны Галачесма, гдѣ теперь родникъ, но были перебиты. Такъ продолжалось до заката солнца, когда мусульмане должны были оставить свои нападенія и совершить, вечернюю молитву. Съ вечера Джурабекъ приказалъ отрядить съ каждаго участка по нѣскольку человекъ съ китменями и отправить ихъ ночью подъ крѣпостную стѣну. На нихъ возложено было разбить стѣну и сравнять ее съ площадью. Но люди не исполнили приказанія Джурабека, найдя его невозможнымъ. Послѣ молитвы я ушелъ домой, гдѣ у меня былъ спрятанъ запасъ пиши. Джурабекъ, Бабабекъ и Омаръ-Ходжа ночевали въ тѣхъ медресе, гдѣ были днемъ. У насъ распространился слухъ, что генераль Кауфманъ убитъ и войско его уничтожено.

На другой день утромъ я пошелъ въ медресе Ригистанъ и опять смотрѣлъ и прислушивался къ толкамъ въ народѣ. Я увидѣлъ, что русскіе уничтожили сакли кругомъ стѣны, а на стѣну поставили пушки. Мнѣ говорили, что старшій сынъ бухарскаго эмира Саидъ-Абдуль-Маликъ, владѣвшій Кармами, пріѣхалъ въ Джамъ со свитою изъ пятидесяти человекъ и намѣренъ оказать Самарканду помощь. Ему на встрѣчу общество выслало нѣсколько человекъ купцовъ и участковыхъ жителей. Но посланные вернулись съ извѣстіемъ, что неизвѣстно по какимъ причинамъ сынъ эмира исчезъ и выборные уже не нашли его въ Джамѣ.

Вслѣдствіе неудовольствія съ отцомъ онъ поселился въ Лауръ-Пинды, на границѣ Пешовера.

Въ продолженіе второго дня мусульмане много разъ подступали къ крѣпости, но взять ее не могли, а тѣ, которые пробивались черезъ брешь стѣны въ крѣпостной дворъ, были убиваемы и тѣла ихъ русскіе перебрасывали черезъ стѣну. Ночью, послѣ второго дня осады,

къ Джурабеку пріѣхалъ джигитъ, посланный секретно разузнать, дѣйствительно-ли генераль Кауфманъ убитъ и войско его уничтожено. Джигитъ этотъ привезъ извѣстіе совершенно неожиданнаго характера. Оказалось, что русскіе взяли Катта-Курганъ и эмиръ Бухарскій заключилъ съ побѣдителемъ миръ. Узнавъ это Джурабекъ и Бабабекъ съ войсками убѣжали.

Сипаи стояли въ Самаркандѣ по участкамъ, при нихъ были лошади и вещи. Тѣ изъ сипаевъ, которые не успѣли бѣжать съ Джурабекомъ были захвачены самаркандцами. Возмущенные поступкомъ Джурабека жители убили сипаевъ и воспользовались ихъ вещами и лошадьми. Тоже было съ китайкипчаками и кораколпаками. Омаръ-Ходжа рѣшился, по совѣту съ жителями города, продолжать воевать имѣя подъ своею командою только самаркандцевъ. Онъ избралъ своимъ помощникомъ выборнаго изъ общества Кари-иботъ Салимъ-баева моего дядю, брата моей матери. Старшины собрали съ каждаго участка деньги, барановъ, крупу и муку. Кари-иботъ велѣлъ достать зарытыя ружья, пороховъ, нѣсколько китай-ча (ручныя пушки) и одну пушку большого калибра. (Пушки вывезенныя на Чупанаты были тамъ брошены и взяты русскими). Пушку поставили въ медресе Мирза-Улукъ-Бекъ. Изъ этой пушки стрѣлялъ кузнецъ Тохта Ходжа-Наргаръ. Дядя помѣстился на дворѣ медресе Ширъ-Доръ. Только что онъ началъ дѣлать свои распоряженія, какъ вдругъ съ крыши медресе Улукъ-Гекъ прожужжала пуля надъ самой головой дяди. Виновника поймали. На допросѣ онъ показалъ, что давно уже враждовалъ на Кари-иботъ. Дядя вошелъ внутрь медресе, и толпа убила покушавшагося палками.

Сартовская музыка и барабаны были наверху медресе подъ сводомъ. Я пробрался туда. Въ это время ядро русской пушки пробило стѣну около барабана. Увидавъ, что войско наше уменьшилось, русскіе дѣйствовали еще энергичнѣе прежняго.

Въ медресе Ширъ-Доръ былъ общественный совѣтъ, на которомъ рѣшено было послать выборнаго къ бухарскому эмиру просить помощи. Выборъ палъ на Абдуль-Хай-Ходжа. Но отвѣта отъ эмира намъ не послѣдовало и даже выборный нашъ не возвратился въ Самаркандъ. Мы узнали, что Абдуль-Хай-Ходжа былъ назначенъ казіемъ въ волость Зандене. У насъ былъ измѣнникъ персіанинъ Абдуль-Саматъ-Мирохоръ (подполковникъ), говорятъ, что онъ по ночамъ посылалъ преданныхъ ему людей въ крѣпость и тайно сообщалъ русскимъ, что дѣлается у сартовъ. Его подозрѣвали, но уликъ не было. Онъ ловко велъ дѣло. День за днемъ шли, нашъ Омаръ-Ходжа ничего не достигъ, помощи ни откуда не было, а между тѣмъ мы узнали, что генераль Кауфманъ возвращается изъ Катта-кургана въ Самаркандъ.

Ночью эту новость сообщили нам прискакавшие джигиты. В ту же ночь многие из патриотов скрылись из Самарканда тайно от своих, боясь смерти за то, что сложили оружие. Утром взвившаяся ракета и выстрѣлъ из пушки возвѣстили о возвращеніи генерала Кауфмана. Войско Омарь-Ходжи еще убавилось, а самъ Омарь-Ходжа бѣжалъ черезъ Педжакентъ въ Бухару. Вооруженные толпы сартовъ оставались на улицахъ города безъ командира. Генераль Кауфманъ раздѣлилъ свое войско на части и части эти пошли въ обходъ города, чтобы окружить его. Русскіе шли съ криками ура, толпы сартовъ встрѣчали ихъ и вступали въ рукопашную. Базары были сожжены русскими, многія жилища разрушены, масса сартовъ перебито и самаркандцы были усмирены.

Ночью бѣдные сарты, крадучись, ходили по городу и барантовали все, что попадалось на глаза, а на другой день барантовали русскіе. Евреи, прятавшіеся въ крѣпости во время возстанія, указывали солдатамъ мѣста, гдѣ сарты зарыли цѣнные товары и деньги.

Самаркандцы укрывавшіеся въ Ургутъ, Педжакентъ и Кара-тубе, боялись возвращаться въ Самаркандъ, но когда генераль Кауфманъ разослалъ джигитовъ призвать народъ къ ихъ прежнимъ занятіямъ, они возвратились и торговля и промыслы пошли своимъ порядкомъ.

II.

Разказъ бывшаго надзирателя за больными 9-го Туркестанскаго баталіона Исаака Капелюша.

Въ 1868 году, 1-го Мая, часа въ два съ половиною дня наши войска подступили къ рѣкѣ Зеравшану, въ виду горы Чупанаты. Вода была велика и Зеравшанъ разлился въ семь рукавовъ. Мы остановились. Въ это время съ горы послѣдовали выстрѣлы, но они до насъ не достигали. Мнѣ удалось взглянуть въ подзорную трубу и я увидѣлъ, что вся гора усыпана была непріятельскими войсками въ синихъ и красныхъ курткахъ и въ чалмахъ. Генераль Кауфманъ отдалъ приказаніе переправляться. VI баталіонъ остался прикрыть обозъ, а остальные подъ командою полковника Абрамова пошли вбродъ. Переправа совершилась такъ. Взятые съ собою конные джигиты переѣхали на лошадахъ и провезли веревки, которыя и перетянули съ одного берега на другой. Солдаты сумки съ патронами надѣли на шею и двинулись держась правою рукою за веревку, въ лѣвой держа ружье. Во время переправы нѣсколько человѣкъ было убито вражьиими пулями. Изъ за горы, въ обходъ Чупанаты спустилась непріятельская конница, направляясь къ обозу, но была отбита VI-мъ баталіономъ и казаками. Я пе-

реправился въ санитарномъ фургонѣ и догналъ нашихъ на послѣднемъ рукавѣ самомъ глубокомъ. Выливъ воду изъ сапогъ, русскіе закричали ура! и бросились на гору. Я оставилъ фургонъ и взбѣжалъ вмѣстѣ съ другими. Но каково же было наше удивленіе... на горѣ не было ни души! Непріятель бѣжалъ побросавъ все, и орудія и провіантъ, даже платье и обувь. Солдаты, нѣкоторое время, гнали въ тылъ непріятели, а затѣмъ вернулись. Мы нашли 21 орудіе. Оказалось, что позиція была устроена, очевидно, опытными людьми, были выкопаны канавы, устроены траншеи, но исполнители оказались трусы и недисциплинированы. Вскорѣ прибылъ на гору и VI баталіонъ съ обозомъ. Здѣсь мы похоронили 7 человѣкъ убитыхъ, а 11 солдатъ раненыхъ попустило подъ мой надзоръ. Наступалъ вечеръ, рѣшено было ночевать на горѣ и мы были всю ночь на сторожѣ, предполагая, что бухарскія войска возвратятся и нападуть на насъ ночью во время сна. Горячую пищу мы не готовили, а воспользовались сартовскими лепешками, которыхъ были цѣлые воза. Кромѣ того, солдатики обрадовались найдя среди брошенной обуви сапоги русской работы и тутъ же смѣнили плохую обувь на крѣпкую. Въ 9 часовъ, передъ «зарей» изъ орудія, что было при генералѣ Кауфманѣ данъ былъ выстрѣлъ полнымъ снарядомъ по направленію къ городу. Съ горы слышно было какъ за выстрѣломъ въ городѣ послѣдовалъ гулъ и шумъ.

Ночь съ 1 на 2 Мая переночевали благополучно, утромъ только что отдано было распоряженіе о приготовленіи пищи войскамъ, только что положено было мясо въ котлы и мы голодавшіе сутки предвкушали удовольствіе похлебать горячаго, какъ прибыли выборные отъ города Самарканда. Они объявили, что бекъ бѣжалъ, войска въ городѣ нѣтъ, а мирные жители приглашаютъ русскихъ вступить въ городъ. Генераль Кауфманъ, не совсѣмъ довѣряя выборнымъ и опасаясь какой-нибудь западни въ родѣ подкопа, раздѣлил войска на части съ приказаніемъ каждой части идти отдѣльно и разными улицами, охранять же обозъ оставленъ былъ VI-й баталіонъ. Я остался при обозѣ, этого требовало положеніе раненыхъ. Жара была нестерпимая, солнце пекло, ни одного дерева не было на Чупанатахъ. Только фаланги прыгали, ихъ была масса. Мы пробыли на горѣ часовъ до 5 пополудни. Тутъ прискакало нѣсколько человѣкъ казаковъ съ словеснымъ приказаніемъ генерала Кауфмана двинуть обозъ въ городъ. Когда мы подѣзжали къ городу Самарканду, то полилъ проливной дождь. Подъ дождемъ мы вѣхали въ узкія, грязныя улицы города. Здѣсь пришлось ѣхать гуськомъ арба за арбой и обозъ растянулся длинною полосою. Вскорѣ стали ломаться арбы и мы принуждены были безпрестанно останавливаться, чтобы починить ихъ и подвигались весьма медленно; только къ свѣту добрались до крѣпости. Здѣсь

каждый старался отыскать свой баталіонъ. Отыскавъ IX баталіонъ на сардасскомъ военномъ дворѣ, я съ больными своими былъ встрѣченъ полковникомъ Назаровымъ, который намъ крикнулъ: взять изъ моей кухни матеріалъ и немедленно варить больнымъ особый обѣдъ и напоить ихъ чаемъ. Я обмылъ и перевязалъ своихъ раненыхъ. Солнце палило и мы живо обсохли послѣ ночного дождя. Это было важно, такъ какъ перемены бѣлья у насъ не было. На другой день былъ устроенъ временный лазаретъ и трудно раненыхъ перевели туда. У меня же на рукахъ оставалось человекъ 8.

Вскорѣ мы расположились въ лагерѣ, который былъ разбитъ на нынѣшней Каттакурганской улицѣ. Палатокъ у меня не было, да и укрыть больныхъ было нечѣмъ, а потому я ихъ помѣстилъ въ арбахъ, навѣсъ которыхъ спасалъ ихъ отъ дождя и солнцепека. Построены тутъ не было кромѣ сартовскихъ сакель. Генералъ Кауфманъ помѣстился въ палаткѣ, въ саду, на мѣстѣ между теперешнимъ магазиномъ Захо и паркомъ. Почти тотчасъ же послѣ занятія нами Самарканда въ сосѣднихъ волостяхъ стали появляться шайки бунтовщиковъ; для усмиренія ихъ былъ образованъ сборный отрядъ. Я оставался при больныхъ, но помню, что отрядъ ходилъ усмирять жителей Ургута и въ Кара-тубе, гдѣ далъ встрѣчку Джурабеку появлявшемуся во главѣ шайки.

Въ концѣ Мая генералъ Кауфманъ выразилъ рѣшеніе свое идти на Каттакурганъ, а въ Самаркандѣ оставить VI-й баталіонъ, который и былъ переведенъ изъ лагеря въ крѣпость. Туда перевели больныхъ и слабыхъ всего отряда, а также обозъ. Въ четвергъ 30 Мая, весь день мы хлопотали, устраивались, едва покончили перевозку къ полуночи.

31 Мая мы провели спокойно. Я посвятилъ себя на ухаживаніе за больными.

1 Юня, въ субботу мѣстные евреи явились въ крѣпость съ семействами, постелями и необходимыми принадлежностями быта. Я спросилъ ихъ изъ любопытства: «зачѣмъ вы явились сюда, да еще въ субботу?» Они отвѣчали, что Джурабекъ опять появился на Чупанатахъ и что они ожидаютъ нападенія. Этому въ крѣпости не вѣрили. Евреи просили впустить ихъ въ крѣпость. Имъ было отказано. Но евреи все-таки остались и размѣстились подлѣ самой стѣны съ наружной стороны ея. 1-го же Юня пришла рота саперовъ, которую прислалъ генералъ Кауфманъ на всякій случай, въ помощь VI баталіону.

Въ воскресенье, 2 Юня артельщики отправились изъ крѣпости на базаръ для закупки провизіи, но базаръ оказался запертымъ и ни одного сарта они не могли найти. Имъ встрѣчались только мѣстные евреи, которые двигались къ крѣпости. Евреи настаивали, что бы артельщики

воротились въ крѣпость, такъ какъ съ минуты на минуту нужно ждать нападенія и сами спѣшили. Артельщики вернулись. Въ это же время явились аксакалы, которые въ силу даннаго генералу Кауфману слова, пришли будто бы предупредить русскихъ о появленіи шайки.

Баронъ Штемпель командировалъ одну роту съ цѣлью разсѣять неприятеля, полагая со словъ аксакаловъ, что приблизилась какая-то незначительная шайка. Но рота эта, пройдя нѣкоторое пространство и увидѣвъ массы неприятеля напирющаго со всѣхъ сторонъ, потерявъ уронъ въ нѣсколько человекъ, спѣшила укрыться въ крѣпости, захвативъ своихъ раненыхъ и убитыхъ. Неприятель преслѣдовалъ ее. Лишь только рота вбѣжала въ крѣпость и за нею проскочили всѣ евреи, какъ мы были уже окружены сартами. Слышался шумъ и гулъ отъ ихъ воинственнаго клика: урь-урь! У насъ забили тревогу. Весь баталіонъ собрался на площади, стали строиться, но были осыпаны неприятельскими пулями, такъ что должны были укрыться за стѣну бекскаго дома. Тамъ построились и раздѣлились на части. Каждая часть заняла свое мѣсто у стѣны и воротъ. У насъ было всего два орудія, которыя немедленно поставили одно у самаркандскихъ воротъ, другое у бухарскихъ. Сначала была оставлена одна рота въ резервѣ, но скорѣ и она примкнула къ защитникамъ.

Я былъ при больныхъ. Къ намъ прибѣжалъ полковникъ Назаровъ безъ кителя, съ засученными рукавами сорочки и въ чухлѣ безъ шапки. Лицо его было встревожено. Онъ приказалъ вооружиться всѣмъ, кто въ силахъ держать оружіе. Мы поняли, что дѣло серьезно и вдругъ не стало ни больныхъ, ни раненыхъ. Всѣ вооружились, конечно въ числѣ другихъ и я. Полковникъ повелъ насъ на позицію къ бухарскимъ воротамъ. Глазамъ моимъ представилась такая картина: «ворота были сожжены, въ отверстіе напирали сарты, орудіе наше отбили, нѣкоторые сарты сидѣли на орудіи, другіе его тащили изъ крѣпости. Мы дали залпъ почти въ упоръ. Сарты попадали, наши побѣжали и отняли орудіе». Нами увеличилось число защитниковъ воротъ. Все случилось потому, что орудіе было заряжено второпяхъ безъ пороха. Пришлось его разрядить и зарядить снова, а когда это было исполнено, то съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ ряды сартовъ напавшихъ на ворота замѣтно порѣдѣли. А между тѣмъ пули неприятеля сыпались къ намъ градомъ съ разныхъ сторонъ. Мы разсмотрѣли, что въ насъ стрѣляли сквозь отверстія въ стѣнѣ изъ лавочекъ, устроенныхъ вдоль самой стѣны крѣпости. Мы бросились къ щелямъ и увидѣли, что всѣ лавочки были биткомъ набиты сартами. Всѣ отверстія мы заложили землею и сожженные ворота заложили мѣшками съ землею. Нечего и говорить о томъ, что всѣ части смѣшались, такъ какъ бѣгали помогать другъ другу. Только что укрѣпили мѣсто, гдѣ были

бухарскія ворота, какъ прибѣжалъ солдатикъ съ просьбою помочь. Полковникъ Назаровъ крикнулъ: «Братцы за мной!» и бросился на помощь. Мы услышали, что сарты проламываютъ стѣну, а солдатиковъ тутъ было всего трое. Полковникъ Назаровъ раздѣлилъ нашъ отрядъ на двѣ части и поставилъ на обѣ стороны проламываемаго мѣста за углами сакель, находившихся съ внутренней стороны около стѣны, а двоихъ, меня и еще солдата поставилъ караулить особо. Намъ приказано было кричать тогда уже, когда много сартовъ появится по сю сторону стѣны. Я видѣлъ, какъ проломали отверстіе, такое узкое, что можно пролѣзть только одному человѣку и какъ они гуськомъ появлялись въ крѣпости. Выждавъ пока ихъ набралось до сотни, мы крикнули. Барабанщикъ ударилъ тревогу, обѣ части отряда кинулись къ намъ, сарты было бросились назадъ, но узкое отверстіе не пропустило ихъ, тѣмъ болѣе, что влѣзавшій сартъ, закрывавшій собою отверстіе, оторопѣлъ и застрялъ на мѣстѣ. Мы окружили сартовъ, они растерялись. Стариковъ убили прикладами, а молодыхъ заставили смотреть, затѣмъ Назаровъ имъ сказалъ: «мы васъ не убиваемъ, чтобы вы могли передать своимъ, что тутъ произошло», затѣмъ ихъ хватили за руки и за ноги, раскачивали и перебрасывали черезъ стѣну. Предварительно они были обезоружены. На этомъ мѣстѣ мы остались, отверстіе засыпали землею, а на барбетѣ устроили амбразуры и стрѣляли, не подпуская сартовъ къ стѣнѣ, хотя они сильно напирала именно на это мѣсто. Разъ они пустили къ намъ ракету, она ударила въ валъ, отбросивъ землю мнѣ въ лѣвое ухо, а сосѣду въ лобъ. Вслѣдствіе торопливо устроенныхъ амбразуръ и собственной неосторожности, трое сосѣдей моихъ было убито. Потомъ мы приспособились стрѣлять въ непріятеля и уклоняться отъ ихъ прицѣловъ.

На закатѣ солнца сарты ушли творить намазъ и въ тотъ вечеръ не возвращались. Только изрѣдка слышны были, то тутъ, то тамъ одиночные выстрѣлы.

Евреи, укрывавшіеся въ крѣпости помогали таскать землю, задѣлывать отверстія, разносили патроны, подавали воду войскамъ. Вода эта была стоячая изъ ямъ, но и ей были рады, тѣмъ болѣе, что день былъ жаркій, солнце палило. О ѣдѣ никто не думалъ.

Съ удаленіемъ сартовъ на молитву, мы вздохнули свободнѣе. Наступила темнота. Полковникъ Назаровъ вызвалъ охотниковъ предлагая выйти изъ крѣпости и сжечь лавчонки прилѣпленные къ крѣпостной стѣнѣ и наносившія намъ много вреда. Охотниковъ оказалось много и я пошелъ. Намъ велъ полковникъ Назаровъ. Мы выходили за стѣну приближались къ саклямъ на носкахъ, соблюдая полную тишину, на случай если бы въ сакляхъ находились сарты. Но сакли оказались пустыми. Мы брали пучки соломы, привязывали ихъ къ палкамъ, а палки

втыкали въ потолки, поджигая солому. Вскорѣ крѣпость казалась опоясанною линіей огня. Вернувшись мы похоронили своихъ убитыхъ, ихъ было до 40 человѣкъ, подобрали раненыхъ, которымъ я, по возможности, оказалъ облегченіе и наконецъ самъ заснулъ. Передъ сномъ ко мнѣ подошелъ полковникъ Назаровъ и сказалъ при офицерахъ и солдатахъ: «ну, что натѣшился? Я отвѣчалъ: точно такъ!»—Ну выпьемъ по стакану. Я знаю, что ты еврей и спирту не пьешь, дать ему стаканъ лафиту, а мнѣ спирту. Мы чокнулись.

На другой день рано утромъ сарты опять показались у стѣнъ крѣпости и осада возобновилась. Но на этотъ разъ мы приготовились къ отпору. У насъ въ крѣпости были орудія сартовъ, привезенныя съ Чупанаты и ихъ же порохъ. Ихъ установили на барбетахъ и палили въ сартовъ ихъ же снарядами. Кромѣ того маркитанты предложили коменданту давать солдатикамъ водки, табаку и чаю. Солдаты посмѣнно подкрѣплялись. А провіанту для варки не было и кушанье не готовилось. Въ этотъ день убитыхъ и раненыхъ было менѣе, такъ какъ пушками мы удерживали сартовъ на извѣстномъ разстояніи, да и сами солдаты были осторожнѣе, не выставялись на видъ. Энергія не оставляла сартовъ, особенно азартно бросались они на крѣпость послѣ намаза утромъ и въ 12 часовъ. Вѣроятно муллы ихъ наэлектризовывали.

4-го Іюня число осаждающихъ значительно уменьшилось и въ городѣ произошелъ страшный шумъ и суматоха. Мы узнали, что войска Джурабека наскучивъ безплоднымъ дѣломъ, ограбили сартовъ и разбѣжались. Но оставшіяся войска продолжали осаду. Говорятъ, что въ крѣпость были подброшены письма, въ которыхъ намъ предлагали сдаться и увѣряли, что иначе мы все погибнемъ съ голода, такъ какъ генераль Кауфманъ насъ продалъ эмиру и помощи намъ неоткуда ждать. Разговоръ о такихъ письмахъ возбуждалъ негодованіе и презрѣніе къ сартамъ, о сдачѣ не могло быть и рѣчи, но голодъ и жажда давали себя чувствовать. Шестидневное сидѣніе въ крѣпости на уменьшаемой порціи сухарей и на тухлой водѣ не могло не отзываться на здоровьѣ.

6-го Іюня въ четвергъ, часовъ въ 6 вечера, одинъ изъ солдатъ закричалъ, что летитъ ракета и указалъ въ сторону бухарской дороги. Стали присматриваться и нѣкоторые точно замѣтили ракеты. Доложили коменданту. Онъ приказалъ и намъ пускать ракеты. Но отвѣтныхъ ракетъ съ бухарской дороги не послѣдовало, а сарты стали отвѣчать намъ ракетами. Они, по всей вѣроятности, вообразили, что мы своими ракетами выражаемъ намѣреніе начать переговоры.

7-го Іюня рано утромъ, тѣ изъ солдатъ, которые стояли по направленію къ Каттакурганской дорогѣ закричали:—наши джигиты ѣдутъ! Ихъ было трое. Нашихъ джигитовъ мы узнавали по заранѣ условленному знаку, а именно, имъ приказано было повязывать пояса свои

через плечо. Мы открыли имъ ворота, для безопасности отъ своихъ же сартовъ, чтобы они могли проскочить поскорѣе. Джигиты эти сказали, что генераль Кауфманъ послалъ ихъ извѣстить о своемъ возвращеніи и узнать о положеніи нашихъ дѣлъ. Баронъ Штемпель отвѣчалъ, что мы твердо стоимъ, но атакованы. Полковникъ Назаровъ хотѣлъ добавить *едва* стоимъ, но баронъ Штемпель воспротивился изъ осторожности. Онъ опасался, чтобы джигиты не передали своимъ о плачевномъ положеніи осажденныхъ. Джигитамъ нужно было немедленно возвратиться къ генералу Кауфману, а потому полковникъ Назаровъ приказалъ сдѣлать нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ, чтобы поднять дымъ и пыль, въ которыхъ они не были бы замѣчены своими. Часа черезъ полтора прискакали три новые джигита съ приказаніемъ генерала Кауфмана не стрѣлять изъ крѣпости, такъ какъ онъ возвращается и наши выстрѣлы могли бы нанести вредъ своему же возвращающемуся войску. Джигиты эти остались въ крѣпости, а у насъ ударили отбой и мы перестали отстрѣливаться. Радостная вѣсть облетѣла всѣхъ. Люди приободрились и повеселѣли. Вскорѣ мы увидѣли приближающееся войско, но отъ поднятой имъ пыли не могли разсмотрѣть подробностей; барабаны били атаку. Люди моментально собрались и выстроились для встрѣчи. Всѣ плакали отъ радости. Генераль въѣхавъ въ крѣпость тотчасъ же обратился къ намъ съ трогательными словами благодарности, а полковника Назарова перваго крѣпко обнялъ. Полковникъ Назаровъ былъ командиромъ IX баталіона, но оставленъ былъ въ крѣпости вслѣдствіе какихъ-то неприятныхъ недоразумѣній между нимъ и высшимъ начальствомъ. Теперь послѣдовало примиреніе. IX баталіонъ возвратился съ генераломъ Кауфманомъ и Назаровъ тотчасъ-же вступилъ въ командованіе имъ. Командованіе это началось съ того, что полковникъ испросилъ разрѣшеніе генерала Кауфмана пройти съ своими по Самарканду и *потышитъ*ся. Генераль приказалъ не щадить никого. Евреи, находившіеся въ крѣпости, узнавъ о распоряженіи генерала, приступили къ нему съ просьбою сдѣлать исключеніе для евреевъ, оставшихся въ городѣ и не принимавшихъ участія въ возстаніи. Генераль выслушалъ ихъ внимательно и съ участіемъ отнесся къ ихъ просьбѣ. Тотчасъ-же былъ посланъ офицеръ догнать полковника Назарова и сказать ему:—*Всѣхъ*, кромѣ евреевъ. Изъ города доносились къ намъ въ крѣпость шумъ и крики. Генераль Кауфманъ пожелалъ посмотрѣть, что дѣлается въ городѣ и влѣзъ на крышу бекскаго дворца. Но мимо него тотчасъ же прожужжала пуля. Нѣкоторые изъ стоявшихъ близко къ генералу замѣтили, что пуля была пущена съ мечети Хазрета. Генераль спустился съ крыши и предложилъ солдатамъ идти въ мечеть и снять оттуда воинственнаго сарта.

Вызвались охотники и побѣжали къ мечети. Они быстро вернулись оттуда и привели виновника со связанными сзади руками. На шеѣ у него висѣли два маленькихъ ружья вершковъ въ 10 длиною.

Генераль предоставилъ его въ распоряженіе солдатъ. Тѣ сняли съ него оружіе и выстрѣлили ему въ спину. Сартъ упалъ ничкомъ и умеръ.

Сутки барантовали русскія войска, а потомъ имъ ударили отбой. Я спалъ какъ убитый. Намъ претерпѣвшимъ осаду дали отдыхъ и выдали головое содержаніе.

III.

Разказъ отставнаго унтеръ-офицера VI баталіона Василія Петрова.

1-го Мая мы подошли къ Зеравшану въ обѣденное время. Я увидѣлъ, что на Чупанатахъ была масса неприятеля, а нашъ отрядъ обстрѣливали неприятельскіе наѣзтники, которые насккивали въ разсыпную съ разныхъ сторонъ, стрѣляли и удалялись. Мы стояли не двигаясь, но отстрѣливались. Сперва выстрѣлы съ Чупанатъ насъ не достигали, но потомъ стали падать въ отрядъ. Насъ передвинули и войска начали поспѣшно переправляться, цѣпляясь за веревку и другъ за друга. Вещи, шинели, манерки, чашки были оставлены на берегу. VI баталіонъ оставался для прикрытія обоза. Пока войска переправлялись черезъ рѣку на насъ продолжали насккивать наѣзтники, многіе изъ нихъ были въ кольчугахъ. Наконецъ наступила и наша очередь, — мы двинулись къ берегу и чуть было не забыли арбу съ снарядами: она стояла въ сторонѣ. Младшій штабъ-офицеръ маіоръ Альбединъ отдѣлилъ 4 звена солдатъ изъ 2-й роты и, приказавъ имъ слѣдовать за собой, поскакалъ къ арбѣ. Я и самъ не знаю, какъ выскочилъ изъ ряда и побѣжалъ за нимъ. Смотрю въ камышахъ притаился сартъ, я выстрѣлилъ, онъ упалъ, съ другой стороны вижу скачетъ наѣзтникъ, я выстрѣлилъ и убилъ подъ нимъ лошадь, случилось ссадить и еще двухъ наѣзтниковъ. Маіоръ смотритъ на меня искоса да похваливаетъ, говоритъ: молодецъ! А ну-ка еще вонъ того! Я былъ еще совсѣмъ молодой солдатъ, да и ростомъ-то невеликъ. Оттого онъ должно быть и улыбался мнѣ, тѣмъ болѣе, что прочіе солдаты отстали. Маіоръ разсердился на нихъ, потребовалъ, чтобы догнали, но къ арбѣ мы подошли всѣ-таки вдвоемъ. Кромѣ солдатъ, подошедшихъ къ намъ, была еще вытребована сотня казаковъ. Въ арбу впрягли казачкихъ лошадей и отвезли ее къ берегу. Вещи, оставленныя войсками на берегу, мы забрали на арбы. Отправили обозъ, а потомъ стали переправляться сами. Вода была настолько высока, что много изъ вещей, лежавшихъ

наверху было смыто водою и я видѣлъ, какъ плыли то шинели, то деревянныя чашки, падали въ воду и котлы. Когда мы перебрались черезъ рѣку, то наши уже были на Чупанатахъ и не только непріятельской пѣхоты, но и наѣздниковъ не встрѣчали. На Чупанатахъ было до 30 непріятельскихъ орудій, на полугорѣ была устроена траншея, гдѣ должно быть лежала ихъ пѣхота. Въ траншеяхъ и около нихъ я видѣлъ много убитыхъ. Наши переднія войска поймали бывшаго въ бухарскихъ войскахъ русскаго солдата, артиллериста Богданова. Онъ сознался, что наводилъ орудія и самъ стрѣлялъ въ русскіхъ. Его арестовали. Мы ночевали на Чупанатахъ и оставались тамъ для прикрытія обоза до вечера слѣдующаго дня. Ночью двинулись въ Самаркандъ, ночевали на какой-то площади и только къ утру попали на сборный пунктъ.

Дня черезъ три послѣ занятія города, стали раздавать награды и меня вызвали первымъ и дали Георгія. Маіоръ Альбединъ шутя припомнилъ, какъ мы съ нимъ бѣжали къ арбѣ.

Когда всѣ войска ушли въ Каттакурганъ и остался только VI баталіонъ, то насъ перевели въ крѣпость. Съ нами была еще 1 рота сарперовъ, да больные и раненые со всего отряда. Богдановъ все время сидѣлъ на гауптвахтѣ. Слухи шли о томъ, что на насъ будетъ здѣлано нападеніе, но нашъ баталіонный командиръ баронъ Штемпель не вѣрилъ. Даже когда евреи появились въ крѣпости съ семьями и пожитками, прося укрыть ихъ отъ враговъ, при предстоящей осадѣ, — баронъ не повѣрилъ, и велѣлъ ихъ выгнать. Но евреи, выгоняемые выходили изъ воротъ и садились тутъ же, а по домамъ не шли. Въ день нападенія я былъ ординарцемъ у баталіоннаго командира и вдругъ раздали выстрѣлы со всѣхъ сторонъ. У насъ ударили тревогу и всѣ наши солдаты собрались. Наша рота назначена была за сарбаскій дворъ и разсыпана по валу. Мы начали стрѣлять изъ амбразуръ. Самаркандцевъ и бухарцевъ было много и подступали они совсѣмъ къ стѣнамъ. Нельзя было выглянуть въ амбразуру или черезъ стѣну, какъ десять пуль летѣли въ голову. Сарты перебѣгали изъ сакли въ саклю, которія лѣпились къ стѣнамъ, а вдали виднѣлись толпы ихъ. И бухарскія и самаркандскія ворота были сожжены непріателемъ, тогда сняли съ барбета наши два орудія и стрѣляли изъ нихъ въ наступающихъ сартовъ. Я былъ отозванъ къ бухарскимъ воротамъ. Насъ поставили по бокамъ пушки и мы дѣлали свое дѣло, т. е. стрѣляли. Пушку, подлѣ которой мы стояли неправильно зарядили и выстрѣла не послѣдовало. Воспользовавшись этимъ сарты толпой ворвались къ намъ, схватились за орудіе и потащили его. Но въ это время подоспѣлъ полковникъ Назаровъ. Онъ крикнулъ: за мной! и бросился въ рукопашную. Онъ былъ въ рубашкѣ съ растегнутымъ воротомъ и засучен-

ными рукавами и въ чахлѣ вмѣсто фуражки. Мы бросились за нимъ. Въ нашей ротѣ былъ силачъ унтеръ-офицеръ Петринкевичъ, высокій, бравый. Онъ дѣйствовалъ молодцомъ, просто билъ прикладомъ; сломаеъ ружье, выхватить у сосѣда другое и опять принимается за то же. Всѣ дѣйствовали штыками и прикладами. Отбили орудіе и поставили на старое мѣсто. Послѣ этого насъ опять передвинули за сарбаскій дворъ. Полковникъ Назаровъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣста, а бросался туда, гдѣ было опасно. А барона Штемпеля совсѣмъ не видно было. Съ нами былъ поручикъ Хрушовъ. Стрѣляемъ мы изъ амбразуръ, вдругъ слышимъ крикъ артиллериста съ высокаго барбета, гдѣ стояла мортира:—Ребята, бухарцы ворвались въ крѣпость! Я увидѣлъ толпу челоуѣкъ въ полтора бухарцевъ, другіе еще лѣзли черезъ стѣнку, которую пробили. Мы бросились на нихъ. Сначала стрѣляли, а потомъ въ рукопашную. Задніе бросились назадъ черезъ стѣну и скрылись, а переднихъ побили штыками. Покончивъ съ этимъ мы опять кинулись на свои мѣста. Въ 1-й день убитыхъ было много. Ихъ относили на хацкій дворъ и складывали рядами. Убитыхъ же бухарцевъ перебрасывали черезъ стѣну. Въ числѣ убитыхъ былъ поручикъ Лепехинъ, а въ числѣ раненыхъ маіоръ Альбединъ. Онъ былъ тяжело раненъ. Вечеромъ полковникъ Назаровъ сжегъ сакли примыкавшія къ стѣнѣ, а вмѣстѣ съ саклями горѣли и тѣла убитыхъ бухарцевъ. Мы ночь провели у амбразуръ, кто караулил, кто дремалъ.

На второй день послѣ утренняго намаза бухарцы снова бросились на крѣпость. Вправо отъ бухарскихъ воротъ сарты въ большомъ количествѣ стали подкапывать стѣну снизу саженъ на триста, надѣясь подкопать и уронить ее, а затѣмъ всею массою ринуться въ крѣпость. Они работали съ пѣснями и веселыми криками. Мѣстами слышались и русскіе голоса. Они просили спустить имъ водки, или кричали: — сдавайтесь! Прогнать ихъ не было возможности, выстрѣлы ихъ не брали. Тогда то появился на сцену Богдановъ. Онъ выпросился изъ подъ ареста, предложивъ прогнать бухарцевъ, копавшихъ стѣны. И дѣйствительно придумалъ отличный способъ. Онъ взялъ ручныя гранаты, поднялся на выступъ стѣны на столько, чтобы его не видно было снаружи и бросалъ гранаты отвѣсно за стѣну. Такъ прошелъ онъ отъ бухарскихъ воротъ къ самаркандскимъ на всемъ протяженіи, гдѣ работали сарты. Рабочіе дѣйствительно частію были убиты, частію разбѣжались. Стукъ прекратился. Этимъ поступкомъ Богдановъ загладилъ свою вину. Онъ былъ прощенъ и награжденъ Георгіемъ.

Все остальное время насъ переводили съ мѣста на мѣсто какъ того требовали обстоятельства и наконецъ поставили опять за сарбаскій дворъ, къ высокому барбету, гдѣ стояла наша единственная мортира.

Пищи варить не приходилось, вода къ намъ была запружена. У насъ имѣлась вода только стоячая въ ямахъ и та покрылась плѣсенью. Питались мы сухарями и потому какъ нельзя болѣе кстати было, что маркитанты обносили насъ водкой. Идетъ онъ вдоль стѣны и несетъ два ведра водки, каждому солдату было возможно промочить горло и подкрѣпить духъ.

Полковникъ Назаровъ поддерживалъ всѣхъ насъ. Вездѣ въ опасностяхъ онъ былъ первымъ, поселялъ въ насъ бодрость и надежду, увѣряя, что скоро главный отрядъ вернется изъ Катта-Кургана. Семь джигитовъ были посланы одинъ за другимъ извѣстить генерала Кауфмана о нашемъ положеніи и никто изъ нихъ не доѣзжалъ до главнаго отряда. Они или были убиты, или сами передались непріятелю. Только восьмой джигитъ добрался до цѣли и донесъ о томъ, что насъ осадили.

Послѣ трехъ дней наступленіе сартовъ стало слабѣе и опасность стала не такъ велика. Мы все держались и полковникъ Назаровъ продолжалъ увѣрять: «завтра возвратится главный отрядъ и мы отмстимъ». А между тѣмъ баронъ Штемпель распорядился, чтобы въ случаѣ, если бы мы и не устояли и если бы сарты ворвались въ крѣпость,—вступить съ ними въ рукопашную и лечь всѣмъ костями.

Не помню на 6 или на 7-й день осады возвратился генералъ Кауфманъ. Сначала въ облакахъ пыли мы не могли разсмотрѣть, кто подвигается, спасители наши, или враги и приготовились стрѣлять. Но къ крѣпости подѣхалъ урядникъ махая значкомъ. Онъ сообщилъ намъ радостную вѣсть, что генералъ Кауфманъ здѣсь и что по городу идетъ наше войско отрядами въ разныя стороны. Мы не утерпѣли и сдѣлали вылазку, помогать главному отряду. Выйдя изъ стѣнъ мы увидали, что вездѣ кипѣла схватка. Сарты дрались съ нашими, стрѣляли другъ въ друга, наши дѣйствовали штыками, валялись и убитые и раненые, лошади не было, нѣкоторые изъ сартовъ бѣжали изъ города, который во многихъ мѣстахъ горѣлъ, частію былъ подожженъ, а частію горѣлъ отъ выстрѣловъ. Дрались небольшими группами. Я съ товарищами проходилъ мимо одной сакли. Изъ сакли этой въ насъ выстрѣлили, мы отвѣчали выстрѣлами въ саклю, но не вошли, не зная, что насъ ждетъ тамъ. У сакли былъ брошень клеверъ, мы подожгли его, загорѣлась и сакля. Изъ нея выскочило человѣкъ пятнадцать, а насъ было восемь. Мы приняли ихъ въ штыки. Одинъ здоровенный сартъ съ длинной пикой бросился на солдатика Дмитріева, который въ свою очередь коллъ другого сарта. Я прокололъ великана штыкомъ и сломалъ на немъ штыкъ. Часамъ къ тремъ пополудни бой былъ уже оконченъ и городъ усмиренъ. Мы пробрались на базаръ. Лавки оказались опертыми, но въ нихъ существеннаго ничего не было: куски сартовскаго мыла, ихъ

издѣлія сальныя свѣчи, изюмъ, фисташки и все вродѣ этого. Я набралъ себѣ урюку и орѣховъ и отправился въ крѣпость. Нѣкоторые солдаты находили въ ямахъ порядочныя вещи и даже деньги, которыя и забирали. Солдаты возвращались въ крѣпость частями. Генералъ Кауфманъ былъ въ крѣпости.

Городъ вскорѣ успокоился, сарты и ихъ семьи возвратились въ свои дома, открылась торговля, возобновились и другія занятія.

Бухарскій эмиръ, оцѣнивъ храбрость русскихъ и ихъ стойкость при защитѣ крѣпости, прислалъ всѣмъ, находившимся въ осадѣ, по три рубля, а кавалерамъ по пяти.

Намъ въ награду было выдано годовое содержаніе. Кромѣ того генералъ Кауфманъ далъ шестому баталіону отдыхъ на два мѣсяца, такъ что мы въ это время не несли никакой службы и передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ получали по чаркѣ водки.

А потомъ я былъ зачисленъ въ учебную команду, гдѣ и получилъ унтеръ-офицера.

IV.

Разказъ Златы Капелюшь (жены бывшаго надзирателя за больными).

Во время взятія Самарканда русскими мнѣ было 11 лѣтъ. Я жила у родителей занимавшихся мелочной торговлей. Когда бухарцы стояли на Чупанатахъ, мы съ крышъ хавли (дома) смотрѣли какъ произойдетъ битва и чѣмъ все кончится. Насъ, любопытствующихъ дѣтей, было много, а за дѣтьми влѣзли на крышу и взрослые. Прежде всего мы удивлялись, что у русскихъ такія странныя шапки съ торчащими козырьками (кэпи), но потомъ, когда они вышли изъ воды и всѣ бросились на землю на спины и подняли ноги, которыми болтали (выливали воду) мы пришли въ ужасъ и сочли это за колдовство.

Къ вечеру мы видѣли русскихъ уже на Чупанатахъ.

Передъ приходомъ русскихъ сарты закопали всѣ свои цѣнныя вещи и деньги въ землю. А потому ничего драгоцѣннаго не нашли бухарцы, бѣжавшіе съ Чупанаты черезъ Самаркандъ далѣе. Они только разграбили все, что находили въ домахъ и что попадалось подъ руку. Когда русскіе вошли въ городъ, то первые дни настоящей торговли не было. Сарты продавали только лепешки.

Во время осады, евреи пробрались въ крѣпость, но многіе родители побросали своихъ дѣтей на произволъ судьбы. Это было впрочемъ и съ сартами, когда ихъ семьи торопились бѣжать изъ Самарканда и укрываться въ садахъ. Я тоже была брошена. Случилось это такъ:

видя, что городъ готовится къ чему-то особенному, мы, дѣти, сновали по улицамъ, ко всему присматриваясь, взбѣгали на крыши, распрашивали и рассказывали встрѣчнымъ дѣтямъ и не замѣтили какъ шло время. Когда я сильно проголодалась, то побѣжала домой, но каково-же было мое удивленіе, когда я нашла домъ пустымъ и на всѣ мои крики, ни отецъ, ни мать не отзывались. Вскорѣ ко мнѣ прибѣжали мои друзья, мальчикъ и дѣвочка, братъ и сестра. Они дома также своихъ не нашли и были голодны. Мы нашли кусокъ хлѣба, раздѣлили его поровну, подбодрили другъ друга и рѣшили не разставаться. Мы догадались, что насъ второпяхъ не дождались и бросили. Тутъ мы переночевали, а съ разсвѣтомъ были уже на ногахъ. Новые поиски пищи ничего намъ не дали, но мы нашли два мѣшка съ деньгами. Они были въ шкатулкѣ. Вѣроятно отецъ приготовилъ ихъ взять съ собою да заторопившись забылъ. Въ мѣшечкахъ было золото, серебро и мѣдь, всѣ монеты бухарской чеканки. Ихъ было до трехсотъ рублей. Мы порѣшили носить деньги съ собою, пряча мѣшечки отъ постороннихъ глазъ.

Въ городѣ слышались крики и шумъ. Мы взобрались на крыши и побѣжали туда, гдѣ было шумнѣе. Было страшно и весело слѣдить за воюющими. Въ городѣ было много убитыхъ сартовъ. Порою, мы вспоминали, что и насъ могутъ убить, и прятались, но любопытство брало свое и вскорѣ мы опять появлялись зрителями страшной картины. Бѣсть намъ очень хотѣлось. Мы замѣтили, что сартовскія дѣти, брошенные какъ и мы, куда-то побѣжали, мы послѣдовали за ними и вскорѣ увидѣли, что старуха-сартянка одѣляла ихъ лепешками, мы тоже подошли, она и намъ дала по лепешкѣ. Впослѣдствіе мы слѣлались смѣлѣе и подходили къ сартамъ, когда они ѣли. Иногда намъ бросали куски, иногда насъ прогоняли.

Въ концѣ концовъ крики, свистъ пуль, мертвыя тѣла, суматоха насъ утомили и надоѣли намъ. Мы стали мечтать о томъ, какъ бы пробраться въ крѣпость, но не смѣли, оттуда стрѣляли и насъ бы не пропустили. Нѣсколько разъ мы направлялись въ ту сторону и возвращались изъ боязни быть убитыми или сартами или русскими. Оставалось скитаться по городу, голодать, выпрашивать хлѣба и получать пинки, особенно послѣ того, какъ сарты къ намъ присмотрѣлись и узнали въ насъ евреевъ. Насъ, дѣвочекъ, было трудно узнать, мы носили сартовскія одежды, но мальчика можно было узнать по пейсамъ. Мы слышали порою упреки въ томъ, что наши родители измѣнили имъ и передались русскимъ. Не помню сколько дней мы бѣдствовали. Приѣхалъ генераль Кауфманъ, въ городѣ стало тихо. Выстрѣловъ не было. Мы направились въ крѣпость, но при видѣ солдата идущаго въ нашу сторону, прятались. Мало по малу мы подошли уже близко. Тутъ

былъ мостъ. Ворота крѣпости открылись и вышли трое солдатъ. Мы спрятались подъ мостъ. Солдаты подошли къ мосту, одинъ изъ нихъ наклонился пить и увидалъ насъ. Онъ что-то закричалъ своимъ. Всѣ трое подошли и вытащили насъ изъ подъ моста. Мѣшечки наши они замѣтили, отняли ихъ у насъ и раздѣлили между собою. Золото и серебро насыпали въ сапоги и кѣпи, а мѣдь бросили. Затѣмъ, поговоривъ что-то между собою стали расправляться съ нами. Сперва застрѣлили мою подругу, потомъ мальчика. Одинъ солдатъ выстрѣлилъ въ меня, но произошла ослѣчка. Тогда онъ ударилъ меня прикладомъ въ грудь и толкнулъ къ стѣнѣ крикнувъ тур (по-татарски) стой, а самъ сталъ заряжать ружье. Я вдругъ слѣбалась какъ каменная, ничего не чувствовала, ни боли, ни страху. Въ это время изъ воротъ крѣпости вышелъ мой отецъ съ солдатами. Увидѣвъ меня, онъ съ криками бросился мнѣ на помощь и схватилъ на руки. Находившійся тутъ еврей-солдатъ закричалъ моему учителю по русски, что я еврейка и что евреевъ запрещено бить. Отецъ унесъ меня въ крѣпость и положилъ въ лазаретъ. Отецъ и мать почти не отходили отъ меня, они съ избыткомъ старались загладить свою вину. Я недѣли двѣ была сильно больна и потомъ у меня грудь долго болѣла отъ удара прикладомъ. Наши евреи все время пока находились въ крѣпости ходили за ранеными и больными, исполняя черную работу. А когда мы рѣшились выйти въ городъ, въ свое жилище, сарты уже торговали и вели себя такъ, какъ будто ничего не произошло.

Л. Симонова (Хохрякова).